

Наши презентации

К юбилею Московского педагогического государственного университета

**НАДЕЖДА НИКОЛАЕВНА
ЛАДЫГИНА-КОТС – ВЫДАЮЩИЙСЯ
ИССЛЕДОВАТЕЛЬ ПСИХИКИ ЖИВОТНЫХ
И РЕБЕНКА – ВЫПУСКНИЦА ВЫСШИХ
ЖЕНСКИХ КУРСОВ (НЫНЕ МОСКОВСКИЙ
ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
УНИВЕРСИТЕТ)**

Фото 1. Надежда Николаевна
Ладыгина-Котс

Надежда Николаевна Ладыгина-Котс (1889–1963) – уникальный исследователь-натуралист (фото 1).

Ее капитальные труды по проблемам психики животных: «Исследование познавательных способностей шимпанзе» (1923), «Приспособительные моторные навыки макак в условиях эксперимента» (1926), «Дитя шимпанзе и дитя человека в их инстинктах, эмоциях, играх, привычках и выразительных движениях» (1935), «Развитие психики в процессе эволюции организмов» (1958), «Конструктивная и орудийная деятельность высших обезьян» (1959), «Предпосылки человеческого мышления (подражательное конструирование обезьяной и детьми)» (1965), многочисленные статьи, опубликованные в ведущих отечественных журналах и зарубежных изданиях, известны в СССР, России и за рубежом.

Жизнь и научная деятельность Надежды Николаевны – незаурядной цельной личности, человека большой внутренней культуры, проницательного ума, такта, скромности – является примером для каждого из тех, для кого наука стала смыслом жизни.

Н. Н. Ладыгина-Котс родилась 19 мая 1889 г. в Пензе в семье бывшего крепостного крестьянина, позднее учителя музыки и пения Пензенского реального училища. Среднее образование она получила в Пензенской гимназии. В 1908 г. Надежда Николаевна поступила на Московские высшие женские курсы, которые окончила в 1917 г. В скором времени она вышла замуж за А. Ф. Котса – профессора Высших женских курсов, основоположника музея Чарльза Дарвина и директора московского зоопарка. В это время молодая супружеская пара путешествовала по Европе, посещая знаменитые музеи и наслаждаясь красотой архитектурных творений. В то же время Надежда Николаевна начала проводить эксперименты в основанной ею зоопсихологической лаборатории с макаком-резусом, собаками, попугаями и шимпанзе Иони.

Фото 2. Надежда Николаевна и ее муж Александр Федорович Котс

В ту пору профессор А. Ф. Котс был так влюблен в свою Наденьку, что отказался от кругосветного путешествия, подобного путешествию Чарльза Дарвина на корабле «Бигль» в качестве биолога. Два этих человека нашли друг друга для счастливой жизни в науке (фото 2).

С именем Надежды Николаевны связан расцвет отечественной детской и общей психологии, приматологии и антропологии. Заслуги Н. Н. Ладыгиной-Котс в области зоопсихологии, детской и сравнительной психологии были признаны и высоко оценены ее современниками. Ее книги привлекали внимание крупнейших ученых Европы. Э. Клапаред в «Архивах психологии» (1924. Т. XIX. С. 191–192) писал: «Этот роскошный том, украшенный прекрасными фотографиями, излагает терпеливые эксперименты, выполненные в зоопсихологической лаборатории Дарвиновского музея в Москве госпожой Н. Котс над шимпанзе. Мы искренне надеемся, что госпожа Котс может скоро опубликовать продолжение своих исследований, которые представляются образцом терпения, осторожности и вдумчивости в истолковании фактов».

О Надежде Николаевне и ее исследованиях писали в Европе многие ученые. Так, профессор М. Гольдсмит в 20-е гг. XX столетия писал, что работа Н. Н. Ладыгиной-Котс интересна по точности, тщательности и неизменному старанию не упустить ни одного факта, не позволяя ни одному случайному обстоятельству исказить результаты опыта. К этим каче-

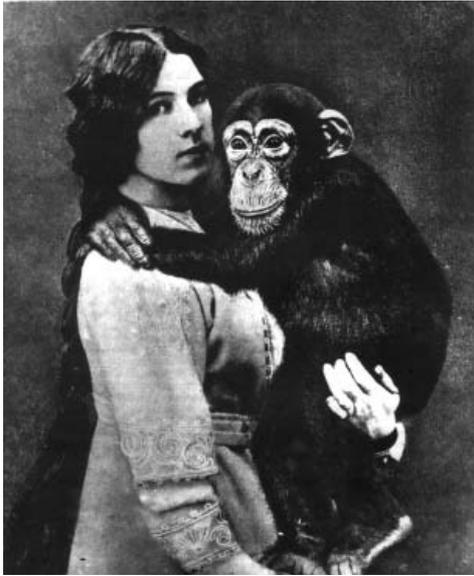

Фото 3. Надежда Николаевна и шимпанзе Иони

ствам следует отнести и то, как она входила в контакт с животными, никогда не прибегая к принуждению.

Позднее знаменитый Р. Иеркс (1936) писал: «Госпожа Котс – талантливейший наблюдатель, чуткий и хорошо эрудированный, с преданностью и исключительной вдумчивостью описывающий в этом тщательном труде различные выражения и психологические черты у шимпанзе и человека. Этот том есть прежде всего иллюстрированный и описательный очерк эмоциональных выражений у шимпанзе и человеческого дитяти и, хотя иллюстрации прежних томов госпожи Котс были великолепны по качеству и высокой научной ценности, настоящая серия иллюстраций превосходит прежние во всех отношениях. Они являются богатейшим источником поучения, очаровывающим внимание тех, кто займется проблемами психобиологии».

Отечественные ученые Л. Г. Воронин и Н. А. Тих писали: «В России обезьяны были использованы впервые как объект изучения в 1912 году известной исследовательницей в области зоопсихологии Н. Н. Ладыгиной-Котс (Москва, музей имени Дарвина). Как и другие пионеры, изучавшие приматов, она приобретала и содержала обезьян (макак и шимпанзе) на свои личные средства. Н. Н. Ладыгиной-Котс удалось добиться таких результатов в наблюдении и экспериментах, что они сделали ее имя популярным среди современных приматоведов в Европе».

Воспитываемый Наденькой шимпанзе Иони был предметом ее глубокого интереса (фото 3).

Изобретенный Н. Н. Ладыгиной-Котс метод выбора на образец дал исследователю возможность изучать особенности восприятия и интеллекта. Впоследствии этот метод получил широкое распространение, в том числе в исследованиях детей и взрослых. Надежда Николаевна в ту пору установила, что шимпанзе обладают способностью к отождествлению различных признаков предметов и к элементарной абстракции.

Позднее, много времени спустя после смерти шимпанзе Иони (1915), в 1925 г. в семье Котсов родился сын Рудольф. Родители наблюдали психическое развитие своего ребенка, вели за ним дневниковые записи и фотографировали.

После написания многих и многих страниц дневника, документированного сотнями фотографий, выполненных А. Ф. Котсом, было проведено трудоемкое сравнительное исследование свободного поведения дитя шимпанзе и дитя человека.

Написанная по этим материалам уникальная монография была издана в

1935 г. Монография и том с фотографиями принесли Н. Н. Ладыгиной-Котс мировую славу. Книга была переведена на многие европейские языки.

Надежда Николаевна показала, что основные психические процессы ребенка и шимпанзе качественно различаются. Лишь дитя человека проявляет (в 2-3 года) способность к абстрагированию, чему помогает развитие речи и ее знаковая функция.

Н. Н. Ладыгина-Котс не оставила своих исследований интеллекта шимпанзе и продолжила ставить опыты в Московском зоопарке. Как-то я, ученица 8 класса средней школы, стояла перед клеткой с шимпанзе Рафаэлем и с изумлением наблюдала опыты, которые Надежда Николаевна проводила вдвоем со своим ассистентом Натальей Федоровной Левыкиной. Рафаэль получал металлические трубки с вложенными в них орехами и удерживающими их комками бумаги. Рафаэль смотрел внутрь, просовывал указательный палец, тряс трубку, но, потерпев неудачу, брал ветки деревьев, которые лежали на полу его клетки, обрывал с них боковые, более мелкие веточки, и сделанные им прутики совал в трубку. Из трубки выпадали орехи. Толпа зрителей ликовала – молодец Рафаэль! Исследователи давали шимпанзе комок мягкого металла, свернутого, словно клубок ниток. Шимпанзе не сразу, но достаточно быстро выпрямлял мягкий провод и просовывал его распрямленный конец в трубку. Результат (добытые орехи) приносили радость толпе зрителей и удовлетворение самому шимпанзе. Исследователи тщательно записывали поведение обезьяны в свои рабочие тетради. Я начала систематически ходить в зоопарк и наблюдать работу Н. Н. Ладыгиной-Котс с высшими обезьянами.

Через некоторое время наша школьная учительница психологии – научный сотрудник Института Психологии АПН СССР Елена Михайловна Кудрявцева – привела нас в музей Дарвина к Надежде Николаевне. Полагаю, случайностей не бывает: главное – увидеть, где истоки твоего пути. Я навсегда осталась возле Надежды Николаевны, она стала моим учителем.

Это была очень красивая женщина, одновременно доброжелательная, любезная, но как бы стоящая над другими. Как ей это удавалось? Влюбленная в науку и в своих испытуемых – попугаев, крыс, кошек, собак, низших и высших человекообразных обезьян – она пробудила в нас, подростках, интерес к поведению животных, особенно к удивительному сходству в эмоциях, в подражании и в способах решения некоторых проблемных ситуаций у обезьян и человека.

В первый день знакомства с нами Надежда Николаевна провела экскурсию по музею Дарвина. Она открыла перед нашим взором удивительный мир разнообразных животных, которые, как оказалось, находятся в эволюционной связи друг с другом. Животные обладают такими способами приспособления к условиям, в которых они живут, что возникает ощущение: мир удивительно рационален, а все животные в своем поведении разумны и прекрасно приспособлены к жизни.

Мне было в ту пору около 15 лет. Я была заморожена Надеждой Николаевной и храбро заявила ей о том, что хочу изучать поведение

Фото 3. Надежда Николаевна
и Владимир Вагнер

животных (особенно обезьян) хочу стать натуралистом. Класс поддержал мои речи и хором заявил, что все тоже хотят учиться наблюдению за животными. Надежда Николаевна улыбнулась нашей горячности и предложила всем желающим прийти через месяц (указала конкретный день и конкретное время).

В урочное время пришло несколько моих одноклассников, а через некоторое время я одна стала приходить к Надежде Николаевне. В то время началось мое обучение наблюдению за поведением животных. В музее на лестничных пролетах стояли клетки с крысами – они и стали моими первыми животными, поведение которых я начала изучать под руководством моего дорогого учителя.

Надежда Николаевна взяла меня под свою опеку и начала возвращать во мне любовь к наблюдению и к вчувствованию в проявления животных. Очень скоро я стала работать с макаками и капуцинами, а затем с шимпанзе и орангутангами. С подросткового возраста я счастливо попала под научную и личностную опеку Надежды Николаевны. Этот удивительно высокий духовно и душевно человек в течение многих лет не оставлял своего покровительства и бережного введения меня в науку.

Надежда Николаевна учила меня не только наблюдению животных, но и ведению экспериментальных исследований. Она усаживала меня перед собой и переводила с европейских языков статьи, которые должны были быть мне полезны. Она побуждала меня к самостоятельной работе и публиковала мои первые откровения о животных в научных журналах Европы.

Так она вводила меня в науку. Окончив школу, я поступила на биолого-химический факультет МПГИ имени Ленина. Мне и в голову не пришло поступать в МГУ – ведь Надежда Николаевна жила и работала на территории музея Дарвина, а он был частью того великолепного здания, где располагался Главный корпус МПГИ.

Семья Котсов – Надежда Николаевна, ее супруг Александр Федорович Котс и их сын Рудольф – жила на территории музея. Жилые комнаты были на первом этаже (столовая, комната Рудольфа, спальня Надежды Николаевны), а на втором этаже были кабинеты Александра Федоровича и Надежды Николаевны. Эти апартаменты вплоть до кончины Н. Н. Ладыгиной-Котс в 1963 г. воспринимались мной как эталон условий жизни настоящего ученого: среди множества специальных книг из сферы той области знаний, которая была значима для ученого-естествоиспытателя, находились иные книги, картины (по большей части художников-

анималистов), скульптуры животных. Было там и множество тонких, высокохудожественных произведений, которые выводили мой потрясенный взор в более широкую сферу большого искусства.

Под влиянием личности Н. Н. Ладыгиной-Котс в ауре Дарвинского музея складывалась московская школа натуралистов-естествоиспытателей. Эта школа была на редкость жизнеспособной, несмотря на все трудности, которые возникали из-за ограниченности в средствах.

Надежда Николаевна была чрезвычайно активным ученым, она поддерживала тесные связи со многими специалистами, которые работали в интересующей ее области знания. Так, она установила научный контакт и добрые человеческие отношения с известным ученым Владимиром Вагнером, который был доктором зоологии, приват-доцентом Императорского Санкт-Петербургского университета, профессором Сравнительной психологии, автором многих книг в этой области, в частности, фундаментальной монографии «Биологические основания сравнительной психологии» (фото 4).

Александр Федорович неукоснительно поддерживал научные устремления Надежды Николаевны – приобретение экспериментальных животных, их содержание, фиксирование их поведения и эмоций в фотографиях и зарисовках художников-анималистов.

В число художников-анималистов, сотрудничавших с Надеждой Николаевной, входил и Михаил Максимович Кукунов, который с 1950 г. преподавал на факультативных курсах рисования в МПГИ имени Ленина. Сегодня ряд работ М. М. Кукунова – достояние музея Дарвина, например, картины «Трапеза барсов» и «Слоны идущие» (фото 5, 6).

Как и В. А. Ватагин, М. М. Кукунов отличался способностью вникать в эмоциональные состояния изображаемых им животных, создавая образы психологически выразительные, легко читаемые зрителями. Н. Н. Ладыгина-Котс с истинным вниманием и глубоким уважением относилась к работе художников-анималистов, деликатно указывая им на тонкости выразительных поз и движений изображаемых животных. Она

Фото 5. М. М. Кукунов.
«Трапеза барсов»

Фото 6. М. М. Кукунов.
«Слоны идущие»

считала работающих с нею художников-анималистов своими соратниками и друзьями.

Надежда Николаевна тесно общалась с талантливыми операторами и режиссерами документального кино. В музее сложилась богатейшая кинотека отечественных и зарубежных фильмов о животных. Музей обладал кинодокументальными съемками экспериментов самой Надежды Николаевны с обезьянами и детьми. Систематизацию этих материалов она осуществляла совместно с сыном Рудольфом Александровичем. Книги Надежды Николаевны иллюстрированы ее собственными фотоматериалами и точными, выразительными рисунками художников-анималистов.

В 1945 г. Надежда Николаевна была приглашена на должность старшего научного сотрудника лидером теоретической психологии, одним из крупнейших отечественных философов и психологов Сергеем Леонидовичем Рубинштейном в возглавляемый им сектор Института философии АН СССР. Именно под опекой С. Л. Рубинштейна она издала свои последние монографии в период с 1958 по 1965 г. В этом институте в 1953 г. Надежда Николаевна получила орден Ленина, здесь же была удостоена звания заслуженного деятеля науки РСФСР.

Нередко я помогала Надежде Николаевне тем, что носила ее конверты в Институт философии для С. Л. Рубинштейна и конверты от С. Л. Рубинштейна для Н. Н. Ладыгиной-Котс. Я была счастлива это делать, как и отзываться на любые просьбы Надежды Николаевны. Я очень любила этого человека. Люблю и восхищаюсь по сей день, не делая, однако, ни из кого кумиров.

Надежда Николаевна тесно сотрудничала с замечательным ученым Борисом Федоровичем Поршневым, автором выдающейся монографии «О начале человеческой истории (проблемы палеопсихологии)». Монография посвящена проблеме происхождения общественного человека и человеческого общества. В отличие от доминирующих в мировой науке подходов, анализирующих переход от животного к человеку в модели «особь – среда», Б. Ф. Поршневу ставил в центре своего понимания модель «особь – особь». Главное место в его теории заняло исследование трансформации животного в человека с точки зрения психологии и физиологии высшей нервной деятельности. Борис Федорович на основе собственных опытов и полевых исследований выявил и глубоко проанализировал механизмы воздействия особей друг на друга. Им реконструированы условия, вызвавшие формирование и использование ближайшими предками человека этого механизма, а также первые этапы развития человека вплоть до порождения речи, психики, мышления, творчества и социальных институтов.

Подобных исследований механизмов воздействия одной особи на другую как решающего фактора трансформации животного в человека, заложившей фундамент всего дальнейшего исторического развития человечества, в мировой научной литературе по сей день нет.

Надежда Николаевна и Борис Федорович часто встречались на территории музея и обсуждали значимые для них проблемы происхождения

человека из доисторических предтеч. Они были единомышленниками и поддерживали друг друга, хотя каждый шел в науке своим собственным путем. Эти два ученых глубоко уважали и понимали друг друга. Оба они были честными учеными и яркими уникальными личностями.

В свои юные лета в доме Н. Н. Ладыгиной-Котс я была представлена Борису Федоровичу, который начал опекать меня. Вскоре я стала считать его своим учителем.

Оба этих выдающихся ученых были редкими бескомпромиссными личностями.

Б. Ф. Поршневу был охвачен страстным поиском следов снежного человека. В его библиотеке стояли изданные в мире книги о снежном человеке, он сам выезжал в экспедиции на поиски этого неуловимого создания и был бескомпромиссен в своей целеустремленности.

Хочу передать один диалог между двумя столь почитаемыми мной людьми. Общение происходило в кабинете Надежды Николаевны.

Борис Федорович: Надежда Николаевна! Мне предлагают подать документы в Академию наук.

Надежда Николаевна: Прекрасно! Поздравляю!

Борис Федорович: Но они мне поставили одно условие... Я должен «перестать гоняться за снежным человеком».

Надежда Николаевна: Ну а Вы?

Борис Федорович: Конечно, не перестану!

Надежда Николаевна: Вот и хорошо.

Затем мои дорогие люди начали обсуждать проблему «личности ученого». Затаив дыхание, я слушала речи двух истинных ученых, двух истинных цельных личностей.

Не только глубокая включенность в научные проблемы, но и личностная позиция определяют путь человека в науке. Поршневу модель начала человеческой истории «особь – особь» и модель человеческих отношений, представленная К. Марксом и Ф. Энгельсом «человек – человек» являются фундаментальной сущностной методологической позицией, объясняющей выживание в человеке личностного начала. Человек сам выделяет себя, как об этом замечательно написал в своих дневниках Ф. М. Достоевский.

Мне повезло: на моих глазах два ученых, две личности беседовали о нравственных принципах, не ведая о том, что в этот момент они дают мне пример нравственного выбора...

Надежда Николаевна была всегда активна в своих взаимоотношениях с учеными своей страны и Европы. Она поддерживала переписку со многими учеными, работающими в сопряженных с ее интересами областях наук. Будучи моим истинным учителем, она не только переводила для меня работы с европейских языков, но и посылала результаты моих наблюдений и исследований на конференции в Европу как материалы для книг, которые писали ее знаменитые коллеги. Так, переписываясь с Дезмондом Моррисом, который работал над монографией «Биология искусства», она передала ему собранные мною в сухумском питомнике обезьян рисунки капуцинов и шимпанзе. Эти рисунки Д. Моррис опубликовал и

Фото 7. Государственный Дарвиновский музей

прокомментировал на страницах своей книги (Desmond Morris. *The Biology of Art*. – L, 1962). Надежда Николаевна последовательно вводила меня в науку.

Н. Н. Ладыгина-Котс принимала участие в издании на русском языке книг Яна Дембовского «Психология животных» и «Психология обезьян». Ян Дембовский не раз посещал

Надежду Николаевну: ученые сотрудничали в значимой для обеих области знаний.

Интерес к биению пульса науки в избранном направлении знаний сопровождал Надежду Николаевну до конца ее замечательного уникального жизненного пути.

Супруги Котс стремились найти для музея Дарвина более просторные площади – но, увы! – музей переехал в новое специально построенное здание на улице Дмитрия Ульянова лишь после кончины обоих ученых (фото 7).

Профессиональные отечественные и зарубежные детские психологи, приматологи, сравнительные психологи неизменно продолжают адресовать себя к идеям и экспериментальным результатам Надежды Николаевны.

Надежда Николаевна Ладыгина-Котс – студентка высших женских курсов, прожившая большую часть своей творческой жизни в стенах МПГИ имени Ленина – в музее Чарльза Дарвина, – являет собой образец высокой духовности, чистой и глубокой личности, истинного представителя интеллигенции.

Валерия Мухина